

— Я ничего... — Лань Сяочуань никак не ожидал, что Чао Чимин очнется прямо посреди дороги. Он-то думал, что удастся дотащить его до самого дворца.

— Ты еще и взвалил меня на спину? — Чао Чимин пришел в ярость. Позволить какому-то жидкому донельзя слабаку везти себя на спине — да это же несмываемый позор!

«А еще я носил тебя на руках, прижав к груди» — эту фразу Лань Сяочуань произнести вслух не осмелился.

На оживленной улице Чао Чимин прижал Лань Сяочуаня к стене в глухом углу. Одной рукой он вцепился в воротник паренька, а другую упер в стену рядом с ним, лишая всякой возможности сбежать.

Прохожих на улице было немало. Постепенно вокруг стала собираться толпа, зеваки принялись с любопытством разглядывать парочку, бросая на них двусмысленные взгляды.

Оба парня были исключительно хороши собой. Поскольку стояли дни новогодних праздников, парочки влюбленных часто выходили погулять на улицы — зеваки сразу всё поняли, просто союз двух столь смазливых мужчин попадался на глаза нечасто, вот народ и не удержался, заглядевшись подольше.

— Какой жалкий муж! Раз уж он супруг, почему бы ему хоть в чем-то не уступить своему благоверному?

— Точно! Даже если лицом вышел, с таким буйным нравом далеко не уедешь. — Кто-то покачал головой.

Муж? Благоверный?

Темные, глубокие глаза Чао Чимина мгновенно уставились на Лань Сяочуаня. Он — его женатый муж?

Внешность неплоха, и задница довольно упругая, но в роли законного супруга этот парень, пожалуй, не годится. Впрочем, чтобы греть постель — сойдет.

Непонятно почему, но стоило ему подумать о постели, как в памяти всплыла картинка: он прижимает Лань Сяочуаня к ложу, а тот Теневой страж захлебывается мольбами о пощаде.

— Ты что здесь делаешь? — Чао Чимин пронзил Лань Сяочуаня свирепым взглядом и сжал пальцы на его горле, хотя душить насмерть пока не стал. Голова раскалывалась от боли, в

пояснице тоже ломило, словно его от души приложили чем-то тяжелым. Сегодня они с Теневым стражем вышли из дома, пообедали вместе, а потом... потом он отправился в Долину Кленовых Листьев к Юань Мэну за противоядием от яда гу, а дальше воспоминания обрывались.

— Я? Я-я-я? — Лань Сяочуань, глядя на Чао Чимина, испытывал смутную тревогу. Неужели Чао Чимин не помнит, что произошло, когда он был под воздействием яда?

Заметив это, Чао Чимин метнул на него леденящий взгляд, и поначалу никто из зевак не решался приблизиться. Схватив Лань Сяочуаня за воротник и обхватив его за талию свободной рукой, император взмыл ввысь с помощью цингуна.

Вовсе он не муж! Он — Теневой страж, Теневой страж, Теневой страж!

— Ты ушел сразу после обеда, а я испереживался за тебя и вышел на поиски. И надо же было такому случиться — кто-то действительно замышлял причинить тебе вред! — с ходу выпалил Лань Сяочуань. Поразмыслив секунду, он свернул на другую дорожку и продолжил: — Я разыскивал тебя на улице и вдруг увидел, что тебя похищают! Потратив все силы до последней капли, я наконец одолел негодяя и отбил тебя обратно.

Сначала Лань Сяочуань нахмурился, но по мере рассказа брови его разгладились, на лице заиграло самодовольное выражение, и он принялся ждать похвалы от Чао Чимина. Какой же он умный, надо же было додуматься до такого оправдания!

— Даже если твой муж никуда не годится, распускать руки все равно нельзя, — продолжали переговариваться зевачи.

То ли он стукнулся головой обо что-то, то ли дело было в яде гу, но так или иначе, император ничего не помнил. Лань Сяочуань облегченно выдохнул.

Кто-то в толпе выкрикнул:

— Эй, народ, давайте скрутим этого негодяя и потащим в уездную управу, пусть чиновники рассудят!

С этими словами толпа ринулась вперед, пытаясь схватить Чао Чимина.

— Я... я не говорил, что я его муж! — Лань Сяочуань тут же отпрянул назад. Ему совсем не улыбалось давать Чао Чимину повод для расправы, и он принялся наперебой оправдываться.

Погодите-ка, чей еще муж? Лань Сяочуань в изумлении широко распахнул глаза, и в его чистом, бездонном взоре читалось полное неверие происходящему.

Лань Сяочуань украдкой обнял Чао Чимина за талию: с такой высоты рухнуть вниз — смерти подобно!

— Пояснишь? — низким голосом произнес Чао Чимин, в упор глядя на прижавшегося к нему Теневого стража.

Лицо императора почернело. Бросив свирепый взгляд на сжавшегося в комок Лань Сяочуаня, он процедил сквозь зубы:

— Муж?

— Докладывай по порядку, что ты вытворял у меня за спиной? — прорычал Чао Чимин, придвигаясь к Лань Сяочуаню еще ближе.

Только теперь Чао Чимин и Лань Сяочуань заметили, что вокруг них столпилась целая толпа зрителей.

— Н-нет, что вы, я не смею претендовать на такое! — Лань Сяочуань едва не плакал. Кто в здравом уме осмелится стать мужем Императора? Император такой страшный, малейшее слово поперек — и голова с плеч долой!

— Тащите его к властям! Пусть все посмотрят на этого предателя!

Чао Чимин опустился на землю в каком-то безлюдном переулке.

Наверняка это из-за подавления яда гу его воображение подсунило образ маленького Теневого стража в качестве желанного партнера, мрачно подумал Чао Чимин, чувствуя, как на лбу выступает холодный пот.

Встретившись взглядом с хитро поблескивающими глазами паренька, в глубине которых мерцали искорки, император не поверил ни единому его слову.

Зеваки окончательно вышли из себя:

— Мерзавец! И рука поднимается бить собственного мужа!

— Ты все еще мечтаешь об этом?! — Чао Чимин едва не бесновался от ярости. — Слушай сюда! Я никогда на тебя не позарюсь! И жениться на тебе не собираюсь! Ты всего лишь мой Теновой страж, и если у тебя в голове появятся подобные нелепые фантазии, мне придется отправить тебя на перевоспитание, а уже потом вернуть обратно!

Ч-что? Он ведь ничего такого не сделал! От страха у Лань Сяочуаня на глазах снова навернулись слезы. Кто вообще захочет добровольно становиться чьим-то мужем?

— Опять ревешь? — Чао Чимин был совершенно беспомощен перед этой мягкотелостью Лань Сяочуаня. Страж хныкал вечно, совсем не по-армейски, но беда была в том, что он просто не выносил, когда этот парень смотрит на него заплаканными глазами.

С досады Чао Чимин со злости врезал кулаком по стене рядом с собой, и в прочной кладке мгновенно образовалась дыра, окруженная паутиной трещин.

— Слушай мою волю! Только что я просто пугал тебя, император не станет отправлять тебя обратно. — Он притянул паренька к себе в объятия и рукавом халата небрежно отер лицо Лань Сяочуаня, сделав его глаза еще более красными. Теперь слезы брызнули из них по-настоящему.

Он ведь всего лишь хотел выпытать у Лань Сяочуаня, что стряслось с его головой, да и поясница ныла от каждого движения. Что же произошло сегодня после полудня? Кто же знал, что этот дурацкой парень разревется так, будто его и впрямь обижали! А эти прохожие... еще заявили, будто Лань Сяочуань — его муж. Если бы этот парень и вправду был его мужем?

Император бросил взгляд на Лань Сяочуаня с его пухлыми щеками и искрящимися слезами лучистыми глазами. Будь он его супругом, император непременно заставил бы его плакать в постели до тех пор, пока тот не прорыдает все глаза, и только потом смиростивился бы.

О чем он вообще думает?! Этот Теневой страж и впрямь каждую секунду норовит его соблазнить.

— Император должен держать слово, — промямлил Лань Сяочуань, напуганный до смерти. Ссылка на перевоспитание звучала слишком жутко, и он невольно прижался к императорскому боку. Сегодня он смертельно устал от всей этой беготни, то таща на себе, то обнимая Чао Чимина, а теперь, перепугавшись окончательно, вцепился в рукав повелителя мертвой хваткой.

Слово императора — закон, так что в ближайшее время Чао Чимин точно не станет его наказывать.

Чао Чимин бросил на Лань Сяочуаня косой взгляд, но возражать не стал. Более того, из-за трусливого нрава паренька император даже сделал исключение и позволил тому держаться за свой рукав.

Вскоре они вернулись в Императорский дворец. Пройдя в передние покои, Чао Чимин сбросил верхнюю одежду и обнаружил на пояснице огромный синяк, а на голове — здоровую шишку, которая болезненно ныла от малейшего прикосновения.

Принеся из Императорской лечебницы мазь, он кое-как смазал ушибы сам.

Не обнаружив после возвращения Лань Сяочуаня, он велел позвать одного из стражей.

— Где он?

Цзинь Ушуан опустился на одно колено:

— Он вернулся во Двор Цансюань.

Цзинь Ушуан был вторым по старшинству среди Теневых стражей и также отвечал за охрану императора. Он никак не ожидал, что повелитель вызовет его лишь затем, чтобы справиться о местонахождении Лань Сяочуаня. Выходит, император и впрямь равнодушен к Лань Сяочуаню.

Будучи Теневыми стражами и неотлучно находясь при императоре, они прекрасно знали, что сердце повелителя всегда оставалось пустым. Казалось, тот совершенно равнодушен к сердечным делам и все эти годы был одержим лишь расширением границ империи. Перемены наступили лишь в последние годы, особенно после того, как Лань Сяочуань заступил на службу подле императора.

Вернувшись во Двор Цансюань, Лань Сяочуань первым делом быстро ополоснулся в бане. Едва он собрался растереть себя мазью, как в дверь постучал сослуживец.

— Немедленно ступай в покои императора, он вызывает тебя, — передал приказ шестой по старшинству Теневой страж Лу Ихэ.

— З-зачем это? — Он ведь только-только переступил порог! Даже приговоренному к повешению дают перевести дух!

— Мое дело — передать приказ. Будь осторожен, не заводи с императором лишних чувств. Мы — Теневые стражи, и нечего заглядываться на то, что нам не принадлежит. — Лу Ихэ, сложив руки на груди, прислонился к дверному косяку, надеясь, что Лань Сяочуань наконец уяснит свое место. Связываться с императором узами подобного рода — верный способ лишиться себя покоя до конца дней.

— Конечно, я всё понимаю, — беззаботно бросил Лань Сяочуань. Уж в этом-то он разбирался прекрасно.

Как только Лу Ихэ удалился, Лань Сяочуань тут же рухнул плашмя на кровать и извлек на свет фарфоровый пузырек, оставленный Оуян Ханьюном. Внизу всё немилосердно горело, при каждом шаге мышцы болезненно натягивались, так что передвигаться едва удавалось. Он никак не мог позволить себе оплошать на посту из-за какой-то травмы.

Свернувшись калачиком под одеялом, Лань Сяочуань наковырял на палец порцию мази и принялся с трудом мазать себя. Помучившись так и этак, он понял, что не справляется сам —

боль была слишком сильной.

Этот Чао Чимин и впрямь не человек! Оба мужики, разве можно использовать его вместо лекарства?!

Он ни капли не сомневался, что Чао Чимин посягнул на него лишь из-за помрачения рассудка, вызванного ядом гу. Как же сильно тот брезговал им сегодня! Если бы император вспомнил всё начистоту, беды не миновать.

Глаза Лань Сяочуаня наполнились слезами. От процедур его тело размяхло и разгорелось, покрывшись испариной, а бледная кожа заметно покраснела.

Не дождавшись подчиненного, император лично направился в жилище маленького стража. Распахнув дверь и переступив порог спальни, он застал Теневого стража в слезах: тот смотрел на него таким жалобным, осиротевшим взглядом, словно его только что жестоко отхлестали. Влажные, алые губы блестели в полумраке, и в голове Чао Чимина вновь промелькнули крамольные мысли.

Он захлопнул дверь за собой.

— Ах ты плут! Значит, тайком предавался здесь утехам! — Чао Чимин единым движением сорвал с него одеяло. И верно — в комнате витал тонкий, сладковатый аромат. Император решил, что маленький страж предавался мастурбации, иначе с чего бы у него был такой похотливый вид?

Лань Сяочуань дрожащими руками подтянул нижние штаны. Воспоминания о вчерашних бесчинствах этого зверя в человеческом обличье были еще слишком свежи, и он панически боялся повторения.

— Так ты и вправду занимался этим! — Чао Чимин поймал его с поличным.

— К-кто занимался?! Я просто мазал ушипы!

— А давай-ка повторим? — В глазах императора мелькнул темный огонек. Наверняка вид самоудовлетворяющегося стража был донельзя соблазнительным — от одной этой мысли Чао Чимину захотелось придвинуться к нему вплотную.

— Ну же, давай еще разок. — Не слушая возражений, Чао Чимин перехватил Лань Сяочуаня за запястье и потащил обратно под одеяло.

Долгое время спустя Лань Сяочуань лежал со вспотевшим лицом и заплаканными глазами.

— Я же говорил, тебе понравится, — мурлыкал Чао Чимин, прижимая его к груди и поглаживая по спине. Он был безмерно доволен реакцией маленького стража, а глядя на то, как тот выплакался у него на руках, он чувствовал, что все дневное раздражение испарилось без следа.

<http://bllate.org/book/21016/2136517>